

ПИТЕР ДЖОНС

Ильенков и методологические проблемы современной «теории деятельности»

Эта работа была написана специально для Ильенковских Чтений 2004. К сожалению, тогда я не смог прибыть и сделать доклад. До сих пор текст оставался неопубликованным. Однако с ним ознакомились интересующиеся друзья и коллеги, а некоторые основные положения были представлены на различных конференциях.

Работа является данью уважения неумолимой логике и строгости идей Ильенкова и глубине его понимания Маркса. Говоря более конкретно, я хотел показать, что ильенковское исследование метода «Капитала» существенно для современных дебатов в исследовательской традиции, известной как «теория деятельности» (Activity Theory), — в традиции, которая, как принято считать, восходит к книге Маркса. Мое убеждение, сложившееся под влиянием методологического комментария и анализа «Капитала» у Ильенкова, заключалось в том, что «теория деятельности», или по меньшей мере одна из ее наиболее влиятельных манифестаций, основана на ошибочном толковании Марксовой концепции деятельности (или труда), равно как и его метода исследования. Я не вижу причин для пересмотра своего мнения и полагаю, что мои аргументы по-прежнему сохраняют свою силу¹.

¹ Сейчас, когда я пишу эти строки, весь мир охвачен финансовым кризисом. Маркс мог бы многое сказать на сей счет — и он *сказал* многое, а также наметил путь выхода человечества из состояния хаоса, который с неизбежностью порождается капиталистическим производством. Вот почему Маркс все еще значим для нас, а открытое исследование и разъяснение Ильенковым трудов Маркса помогло бы нам понять, как этот хаос возник и как ему противостоять. Для меня честь видеть свою работу в сборнике, посвященном идеям и жизни Эвальда Ильенкова. И еще,

К исследованию Ильенковым научного метода «восхождения от абстрактного к конкретному», примененного в «Капитале» Маркса, обращается одна из версий «теории деятельности», известная как «исследование развивающего обучения» (developmental work research)² и обозначаемая далее как АТ/ДВР³. Мы увидим, что мысли Ильенкова об этом методе, равно как и сам метод, в определенном отношении понятия ложно⁴. Но следствия этого непонимания мы оставим в стороне, поскольку намерены сконцентрировать все внимание на проблемах чисто теоретического плана. Главный посыл этой работы заключается в том, что наследие Ильенкова по-прежнему жизненно важно для нас сегодня и что дальнейшее развитие теории деятельности будет зависеть отчасти от нашей способности и готовности отстаивать его глубокие идеи и пытаться осуществить их должным образом в наших собственных исследованиях.

Методологические труды Ильенкова оказали немалое влияние на развитие некоторых направлений советской психологии, в частности, развивающей психологии. В. В. Давыдов в наибольшей мере развил подход к обучению, основанный на работах Ильенкова о методе «восхождения от абстрактного к конкретному» у Маркса. В свою очередь, труд Давыдова оказал значительное влияние на разработки Юрьё Энгстрёма (Yrjö Engeström) и его сотрудников в области, обозначаемой ими как АТ/ДВР⁵ и особенно интересной в свете работ Ильенкова.

Энгстрём, например, отмечает, что «диалектический метод мышления лучше всего охарактеризовать как “восхождение от абстрактного к конкретному”», и ссылается на книгу Давыдова⁶ как «самый искушенный опыт всестороннего психологического анализа» этого метода. А также ссылается на Ильенкова в связи с тем, что Энгстрём имену-

я очень признателен моему другу и коллеге Андрею Майданскому за его поддержку и энергию, вложенную им в перевод этой статьи.

² Данный перевод не буквальный, смысловой. По основным принципам это направление исследований родственно школе «развивающего обучения» В. В. Давыдова и Б. Д. Эльконина. — *Прим. пер.*

³ См.: *Engeström Y. Activity theory and individual and social transformation // Perspectives on Activity Theory. Y. Engeström, R. Miettinen, R.-L. Punamäki (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999, pp. 1–16; Engeström Y. Learning, working and imagining: Twelve studies in Activity Theory. Helsinki: Orienta-Konsultit Oy, 1993; Miettinen R. Ascending from the abstract to the concrete and constructing a working hypothesis for new practices // Evald Ilyenkov's Philosophy Revisited. V. Oittinen (ed.). Helsinki: Kikimora Publications, 2000, p. 111–129.*

⁴ Следует подчеркнуть, что эта критика не адресуется деятельностному направлению исследований, или «культурно-исторической теории деятельности» (Cultural-Historical Activity Theory) в целом.

⁵ См.: *Miettinen R. Ascending from the abstract to the concrete, p. 114.*

⁶ *Davydov V. V. Arten der Verallgemeinerung im Unterricht. Berlin: Volk und Wissen, 1977.*

ет «клеточными» (germ-cell) моделями научного исследования и анализа. Объясняя и отстаивая «клеточный» подход, Энгестрём отмечает, что «самый знаменитый пример такого рода анализа — это обнаружение в товаре клетки капиталистической общественно-экономической формации»⁷, и с одобрением цитирует соответствующую трактовку этого пункта Ильенковым.

Энгестрём иллюстрирует важность метода примером, как группа студентов, изучавших образование для взрослых, проходила курс «теории инструктажа» (instructional theory). «Основным содержанием курса, — поясняет Энгестрём, — был анализ исследовательски-ориентированного обучения в соответствии с методом восхождения от абстрактного к конкретному» в дополнение к обсуждению различных типов моделирующей деятельности в науке. Задачей студентов была «разработка собственных моделей, представляющих ключевую идею их дисциплины», и эти модели затем критически сравнивались и анализировались, целью чего было нахождение «некоторых возможностей и проблем, связанных с обучением диалектическому мышлению посредством построения и применения моделей»⁸.

Таким образом, Энгестрём видит значение метода восхождения от абстрактного к конкретному в попытке развития модели «клеточного» типа, в духе Маркса, в качестве «ключевой идеи» курса образования для взрослых⁹.

Миеттинен рисует весьма детальную картину влияния ильенковской трактовки метода на открытую Энгестрёмом «теорию развивающего обучения». В обсуждении метода и его значимости Миеттинен пользуется как термином «клеточка», так и термином «единица анализа»: «Маркс выделил клеточку капиталистического общества (товар и стоимость), а затем развил целую систему понятий и определений, раскрывающих динамику развития капитализма. Единица анализа — капиталистическое общество в целом»¹⁰.

Далее он задается вполне уместным вопросом: «что этот проект [т.е. Марксов анализ капитала] дает для создания понятийных средств анализа различных конкретных противоречий развития отдельных сфер деятельности в обществе?» Исследуя возможные ответы на этот вопрос, он утверждает: обсуждение Ильенковым работы Мещеряко-

⁷ Engeström Y. Learning, Working and Imagining, p. 53.

⁸ Ibid., 54, 67.

⁹ С самого начала энгестрёмовская концепция «клеточки» как «центральной идеи» этой дисциплины вырастает трудность. Ильенков отмечает, что Маркс сам вынужден был подчеркнуть, что «в первых разделах его книги подвергается анализу вовсе не понятие товара, а “простейшая экономическая конкретность”, именуемая товарным отношением, — *реальный, чувственно-созерцаемый факт, а не абстракция, существующая в голове*» (Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: АН СССР, 1960. С. 46. Курсив мой. — П.Дж.).

¹⁰ Miettinen R. Ascending from the abstract to the concrete, p. 112.

ва «позволяет нам считать, что анализ метода «Капитала» не является непременно единственным источником, способным помочь нам понять и развить идею метода восхождения от абстрактного к конкретному». Другой источник Миеттинен видит в исследовании «развития локальных профессиональных сообществ», предпринятом новой дисциплиной — «теорией развивающего обучения». В этой дисциплине, продолжает он, «единица анализа — конкретный трудовой навык, понимаемый как объектно-ориентированная, коллективная система деятельности»¹¹.

Этот подход Миеттинен иллюстрирует примером «учителей, работающих в политехнической школе» (Helsinki Business Polytechnics). В рамках подобной традиционной обучающей деятельности Миеттинен выделяет «клетку» или исходную гипотезу, основанную на историческом анализе, который в данном случае «рисует основное противоречие обучения в школе: лишенный контекста текст превращается в объект деятельности»¹².

Энгestrём и Миеттинен разрабатывают принципы «клеточного» типа моделирования систем деятельности и дают общую характеристику своей «единицы анализа». Применительно к сложным социальным процессам и взаимодействиям, включающим трудовые навыки, современную науку и технологию, они предлагают: «Для анализа такого комплекса взаимодействий и взаимоотношений необходим теоретический учет конституирующих элементов исследуемой системы. Иными словами, требуется новая единица анализа. Теория деятельности располагает сильным кандидатом на эту роль — понятием *объектно-ориентированной, коллективной и культурно-опосредованной человеческой деятельности, или системы деятельности*»¹³.

Так, в АТ/DWR анализ ведется следующим образом: определяется «единица анализа», некая «локальная деятельность» или «система деятельности» (образование для взрослых, или традиционная образовательная деятельность, или иной образец трудового навыка в здравоохранении или промышленности), и, в соответствии с диалектически ориентированной «клеточной» моделью, внутри этой единицы анализа открываются основные противоречия. Например, обучающая деятельность в школах есть единица анализа, а ее объект — лишенный контекста текст (decontextualized text) — рассматривается в качестве клетки этой деятельности.

Теперь обратимся к исследованию этой методологии в свете работы Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса». Ближе к концу ее автор провозглашает в характерной для него открытой манере: «Приняв метод Маркса, невозможно уже не принять

¹¹ Ibid., 114.

¹² Ibid., 123.

¹³ Engeström Y. Activity theory and individual and social transformation, p. 9.

и все выводы «Капитала»¹⁴. И вот тут — любопытная вещь. Развитый в «Капитале» *метод* принимается теоретиками АТ/DWR с видимым энтузиазмом, меж тем как разглядеть *выводы, результаты* Марксовой «критики политической экономии» оказывается более трудным делом. С одной стороны, Миеттинен доказывает, что Маркс раскрыл «динамику развития капитализма» на основе товара как «клеточки» и что его «единица анализа — капиталистическое общество в целом»; а с другой стороны, когда дело доходит до «анализа различных конкретных противоречий развития отдельных сфер деятельности в обществе», эти последние трактуются как самостоятельные «единицы анализа» и предлагается их независимое моделирование в «клеточных» терминах. Таким образом, хотя Миеттинен, вроде бы, видит, что Марксова «клеточка» есть клеточка «капиталистического общества в целом», применение этого метода анализа в «теории развивающего обучения» предоставляет собственную отдельную клеточку для каждого вида трудовой деятельности, независимую от клеточки «капиталистического общества в целом».

Стало быть, экономические формы, специфичные для капиталистического товарного производства, — включая стоимость, прибавочную стоимость и капитал, диалектическое развитие которых и выделение товара в «клетку» анализирует в «Капитале» Маркс, — не проявляются в аналитических (например, триангулярных) моделях систем деятельности в АТ/DWR. Это все равно что сказать: относительное движение Земли и планет выводится из орбит их движения вокруг одной центральной звезды, — а после, приступая к изучению движения каждой планеты, рассматривать их по отдельности, игнорируя их отношение к Солнцу.

Вопрос, однако, в том, что, если анализ Маркса применяется к «капиталистическому обществу в целом», та «клетка», с которой он начинает свой анализ и диалектическое развитие которой прослеживает в «Капитале», *должна быть клеточкой для всей совокупности трудовых деятельностей, характерных для капиталистического общества!* Верность методу Маркса требует показать, как эти сферы традиционного обучения, образования для взрослых, профессионального образования или здравоохранения вырастают и развиваются из общественной формации, «клеточка» которой — товар, и установить и разобраться в их диалектических взаимосвязях в рамках этой общественной формации в целом. Просто не существует иного пути конкретно понять эти сферы с их особой историей и противоречиями, кроме такого их анализа, который бы (двигаясь в соответствии с методом и результатами, намеченными у Маркса) поместил их в «цепь опосредующих звеньев, через которые должны проходить оба полюса стоимости в процессе их взаимного превращения»¹⁵.

¹⁴ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 288.

¹⁵ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 268. Цит. у Энгестрёма (Learning, Working and Imagining, p. 53).

Какой же, в таком случае, прок от «единицы анализа» в АТ/DWR? Когда Миеттинен заявляет, что единицей анализа в «Капитале» было «капиталистическое общество в целом», или говорит, что его собственной «единицей анализа» была обучающая деятельность в профессиональном колледже, то можно лишь заключить, что термин «единица анализа» превратился в рамках АТ/DWR в синоним «темы исследования». Но если мы примем за тему исследования Маркса капиталистическое общество в целом, тогда его единицей анализа вряд ли могло быть то же самое капиталистическое общество в целом. Что-то не так тут с терминологией.

Термин «единица анализа», обычно используемый в деятельностной традиции в более широком значении, уходит корнями в методологическое рассуждение Выготского в «Мышлении и речи». Выготский отстаивает применение в психологии метода, который он характеризует как «анализ, расчленяющий сложное целое на единицы», где единицы понимаются как «продукт анализа, который в отличие от элементов обладает *всеми основными свойствами, присущими целому*, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства»¹⁶. Далее Выготский указывает единицу, определяемую в данном плане как «живая клетка». Это, как известно, — «значение слова», ввиду того, что темой его исследования является отношение между мышлением и речью. В диалектической традиции, далее, термины «единица анализа» и «клетка» относятся к одной и той же вещи, тогда как предмет или тема исследования есть конкретное целое, вырастающее из клетки или единицы, и эта диалектическая деривация или дедукция целого из клетки должна воспроизводиться в теоретическом анализе.

Однако, оставляя в стороне то, что может показаться терминологическими пререканиями, почему бы нам и в самом деле не начать наш анализ общественной формации в целом исследованием конкретных деятельностей, из которых, как представляется, и складывается целое? Ответ Ильенкова: научное мышление, пытающееся выразить в понятиях сущностные принципы и динамическое движение органической системы, не может начинать с чего попало. «Взяв явления прибыли, например, можно составить себе абстрактно-обобщенное представление о них. Но конкретного понятия прибыли на этом пути не получить, ибо конкретное понимание места и роли прибыли в процессе движения системы товарно-капиталистических отношений предполагает понимание их реальной ближайшей субстанции — прибавочной стоимости, т.е. другого экономического явления, а последнее в свою очередь предполагает познание имманентных законов движения товарно-денежной сферы, понимание стоимости как таковой, незави-

¹⁶ Выготский Л. С. Мышление и речь / Собрание сочинений, 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 22, 15.

симо от прибыли и прибавочной стоимости... Прибыль может быть понята только через прибавочную стоимость, через “другое”, в то время как прибавочная стоимость может и должна быть понята “сама по себе”»¹⁷.

Отсюда следует, что если «теоретик не только вправе, но и обязан рассматривать товарную форму абстрактно, то он не имеет никакого логического права рассматривать столь же абстрактно любую другую форму экономической связи того же капиталистического организма, например, прибыль или ренту»¹⁸.

С этой точки зрения, продолжает Ильенков, «право на абстрактное рассмотрение явления определяется конкретной ролью данного явления в составе исследуемого целого, конкретной системы взаимодействующих явлений». Но прямо обратное происходит в АТ/ДВР: каждая сфера повседневной или профессиональной деятельности (образование, здравоохранение и т.д.) берется просто в отдельности, как независимо абстрагируемое явление — «единица анализа», никак не менее.

Могут возразить, что образование для взрослых, например, весьма далеко от процесса извлечения прибавочной стоимости из живого труда и что такая дистанция дает нам «право» считать эти процессы независимыми один от другого. Но это возражение являет собой лишь тот сорт абстрактного мышления, который Ильенков вслед за Марксом подверг безжалостной критике. Конечно, есть разница между «клеткой» и организмом в целом; метод Маркса не позволяет редуцировать любую и всякую деятельность в обществе к одной и той же «модели». В конце концов, политическая деятельность не производит какой-либо прибавочной стоимости, но было бы крайне затруднительно понять хоть что-нибудь в действиях буржуазных правительств, не понимая с самого начала, что такое прибавочная стоимость и как она производится. Так или иначе, производство прибавочной стоимости может происходить в школе или колледже так же, как и на фабрике. Тогда школьный учитель может быть таким же «производительным работником» (производящим прибавочную стоимость), как и автостроитель или шахтер¹⁹. А если учителя не являются производительными рабочими в данном смысле, то взаимосвязь их работы и их места в общественной формации, выстраиваемые вокруг «производительных рабочих», все-таки должны быть раскрыты и подвергнуты анализу.

С точки зрения Ильенкова, далее, ученый не «вправе» начинать строить теорию деятельности с какой попало сферы деятельности, как

¹⁷ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 76.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ См.: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 50 т. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 517.

«единицы анализа». Поступать так — значит не «восходить от абстрактного к конкретному», но насовсем остаться в сфере абстрактного и, разумеется, вдалеке от понятия:

«*Понятие явления* налицо вообще лишь там, где это явление понято не *абстрактно* (т.е. не просто осознано как *неоднократно повторяющееся явление*), а конкретно, т.е. с точки зрения *его места и роли в определенной системе взаимодействующих явлений*, в системе, составляющей некоторое связанное целое»²⁰.

В терминах Ильенкова, «единица анализа» в АТ/DWR («понятие объектно-ориентированной, коллективной и культурно-опосредованной человеческой деятельности, или системы деятельности») является не *понятием*, но лишь «абстрактно-общим представлением». Оно не может служить средством конкретного понимания и критики общественных отношений буржуазного общества, поскольку образовано простым эмпирическим обобщением общих черт всех произвольно взятых и эмпирических обозримых «деятельностей» в капиталистическом обществе.

По правде говоря, можно утверждать, что Энгельс предвосхитил и обратил внимание на возражения, выдвинутые нами выше. Он заявляет, например: «Системы деятельности характеризуются внутренними противоречиями. Первичные внутренние противоречия отражают основное противоречие, характерное для общественно-экономической формации в целом. При капитализме основным является противоречие двойственной природы товаров, разлад между потребительной и меновой стоимостью. В разных системах деятельности этот фундаментальный разлад проявляется в различных формах, в качестве первичного противоречия данной конкретной деятельности. Это первичное противоречие присутствует в каждом компоненте системы деятельности»²¹.

Данный комментарий определенно важен и ясно указывает, что АТ/DWR — это не просто попытка скрыть, утаить или смягчить противоречия капиталистической общественной формации. И еще, в этом положении Энгельса обращает на себя внимание весьма абстрактная характеристика «основного противоречия» капитализма. Верно, что Маркс видит в товаре основную клетку капиталистического организма. Но товар, более того — товарное производство, еще не капитализм.

«Действительным историческим началом развития капитала является, как показал Маркс, тот пункт, начиная с которого капитал начинает строить свое тело из неоплаченного труда наемного рабочего. Только здесь начинается его специфическая, конкретная история»²².

²⁰ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 67. Курсив мой. — П. Дж.

²¹ Engeström Y. Learning, Working and Imagining, p. 84.

²² Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 200.

Товары, деньги, торговая прибыль и рента «как таковые принадлежат к числу “додилювиальных” предпосылок капиталистического развития, к числу его “доисторических” условий. Как конкретно-исторические формы бытия капитала, отражающие своим движением его специфическую историю, они суть продукты самого капитала»²³.

Капиталистическое производство *порождает* в себе товары вместе с деньгами, прибылью, прибавочной стоимостью и т.д; можно даже сказать, что прибавочная стоимость есть «объект деятельности» системы в целом. Но деятельностьный мир здесь «порожден». Если каждая система деятельности «отражает» основное противоречие капитализма, как порождается само это основное противоречие? И где именно оно порождается среди всех систем деятельности или «конкретных трудовых деятельностей»? Где создается прибавочная стоимость? Оказывается, что признание «основного противоречия» капитализма — впрочем, выраженное чересчур абстрактно и даже неадекватно — по-прежнему не дает никакой основы для конкретного понимания (в терминах Ильенкова) места, роли и назначения какой-либо «системы деятельности» в рамках «конкретных исторических форм бытия капитала». Более того, нелегко найти случаи, когда анализ «первичного противоречия каждого компонента системы деятельности» доведен до его логического конца.

Установив, что «теоретико-деятельностный» анализ не в ладах с методом, которого он обещал держаться, мы должны теперь взглянуть детальнее на выводы и следствия данной аналитической процедуры. В методе Маркса, как он излагается во Введении к *Grundrisse*, Миеттинен находит «три основных шага», а именно: «Исследование начинается с конкретного “хаотического целого”». Далее оно нисходит к абстракции основополагающих категорий. И, третье, оно “восходит” опять — пользуясь абстракцией — к конкретному целому, на сей раз в качестве “богатой тотальности определений и отношений”»²⁴.

Миеттинен затем объясняет, как эта методология применялась в исследовании развивающего обучения. Первая фаза — которая, как он утверждает, соответствует первой ступени метода восхождения от абстрактного к конкретному, «хаотическому представлению о целом», — включает установку на «конкретную трудовую деятельность» (взятую как «единица анализа» в указанном выше смысле), что достигается «этнографией», в ходе «составления эскиза изучаемой деятельности, описания ключевых рабочих процедур и средств, равно как и в предварительной характеристике замечаемых в ходе работы проблем»²⁵.

Следующая фаза, которая «соотносится со вторым шагом в методе восхождения от абстрактного к конкретному, с формированием теоретической абстракции, переходом от “хаотического представления о це-

²³ Там же. С. 196.

²⁴ *Miettinen R.* Ascending from the abstract to the concrete, p. 112.

²⁵ *Ibid.*, 115.

лом» к конкретной, исторически и эмпирически обоснованной абстракции», включает «исторический анализ развития деятельности... и совершенствование его теоретических средств... То и другое дополняется анализом проблем текущей деятельности, актуальным эмпирическим анализом»²⁶.

Давайте остановимся на этой второй ступени. Принципиальный порок рассуждения Миеттинена следует искать в самом начале описания им методологии. Вместо Марксова «целого» — а именно, *буржуазного общества* как «наиболее развитой и наиболее многообразной исторической организации производства»²⁷, — нам предлагается «конкретная трудовая деятельность», «единица анализа» в АТ/DWR.

Таким образом, термины Маркса были подменены с катастрофическими методологическими последствиями. У Миеттинена «целое» — это «конкретная трудовая деятельность», которая затем должна изучаться определенным способом, если она не схватывается в «хаотическом представлении» этого целого. С точки зрения Маркса, начинать с «конкретной трудовой деятельности» как подлежащего анализу «целого» означает *уже иметь «хаотическое представление о целом»*²⁸.

Начинать свою исследовательскую программу разделением «целого» буржуазного общества на «конкретные трудовые деятельности» — значит двигаться в направлении обратном методу Маркса. Никакое аналитическое разделение предмета — сколь бы оно ни оправдывалось наблюдениями, эмпирией, профессиональной спецификой и т.д. — не создает истинную и строгую теоретическую абстракцию.

Как поясняет Ильенков, «конкретный теоретический анализ предполагает, что вещь аналитически расчленяется не на равнодушные к ее специфике составные части, а на специфически характерные только для этой вещи, внутренне связанные друг с другом необходимые формы ее существования. В этом отношении аналитический метод Маркса полярно противостоит так называемому односторонне-аналитическому методу... Односторонне-аналитический метод, унаследованный экономистами XVII — XVIII вв. от современного им механистического естествознания и философии эмпиризма (непосредственно через Локка), полностью соответствует представлению о предметной реальности как о своеобразном агрегате вечных и неизменных составных частей, одинаковых у любого предмета природы. Познать вещь, значит, с точки зрения этого представления, аналитически разложить ее на эти вечные и неизменные составные части, а затем понять их способ взаимодействия внутри данной вещи»²⁹.

²⁶ Ibid.

²⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1968. Т. 46. Ч. I. С. 42.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 213.

Этот «односторонне-аналитический метод» является как раз тем, что принят в АТ/DWR. Прежде всего, каждая «конкретная трудовая деятельность» берется как пример «единицы анализа», т.е. общего понятия «системы деятельности», после чего между ними ищутся связи. Всякая «система деятельности», утверждает Энгестрём, «связана с другими системами деятельности через все ее компоненты»³⁰. Так что, сперва разломав социальную систему на ее основные «единицы анализа» — здравоохранение, образование для взрослых и т.д., — АТ/DWR затем пытается соединить их заново. Но зачем и как случается, что, когда мы складываем эти отдельные «системы деятельности» вместе — образование для взрослых, профессионально-техническое обучение, здравоохранение и т.д., — мы получаем капиталистическое производство, движение капитала, производство прибавочной стоимости и прочее?

Ильенков обозначает проблему очень ярко в словах, которые целиком и полностью применимы к методологии АТ/DWR:

«Такую операцию аналитического расчленения предмета всегда можно проделать и экспериментально и в “уме”. Можно аналитически разложить живого кролика на химические элементы, на механические “частицы” и т.д. Но, получив на этом пути груды аналитически выявленных составных частей, мы не сможем проделать, исходя из самого детального рассмотрения этих составных частей, обратной операции — никогда не сможем из них понять, а почему они раньше, до аналитического расчленения, давали своим сочетанием именно живого кролика. Анализ в данном случае умертвил, уничтожил как раз то, что мы хотели бы таким образом понять, — живую, конкретную, специфическую для данной вещи взаимосвязь. Анализ сделал невозможным синтез»³¹.

Совершенно невозможно сконструировать конкретную картину общества, начиная с «конкретной трудовой деятельности», взятой в отдельности, а затем пытаясь соединить отдельные деятельности в целое. Причина тому проста: социальное целое само — *в себе самом* — не развивалось таким образом, как агрегат «конкретных трудовых деятельностей», и его конкретное специфическое движение не может, следовательно, быть выведено посредством соединения таких «единиц» или «частиц». АТ/DWR продвигается, в терминах Ильенкова, от такой «единицы анализа», которая «делает синтез невозможным».

Следовательно, в ильенковской перспективе, принятый в АТ/DWR взгляд на «конкретное» (судя по термину «конкретные трудовые деятельности») на деле оказывается в высшей степени абстрактным, так как всякая «конкретная трудовая деятельность» определяется и анализируется в соответствии с признаками, разделяемыми ею со всеми прочими «конкретными трудовыми деятельностями».

³⁰ Engeström Y. Learning, Working and Imagining, p. 84.

³¹ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 214.

«В чем заключается, согласно Марксу, действительно абстрактное рассмотрение предмета? Абстрактность, как таковая, есть, с его точки зрения, односторонность познания, такое знание о вещи, которое отражает ее лишь с той стороны, с какой она подобна, тождественна многим другим таким же вещам. Другое дело абстракция, выражающая конкретную, специфическую природу вещи. Такая абстракция по своим логическим характеристикам представляет нечто прямо противоположное простой абстракции, абстрактному как таковому»³².

Возможное возражение этому ильенковскому аргументу могло бы звучать следующим образом: чтобы точно уяснить взаимосвязь различных деятельностей в составе целого, разве не следует показать, что все эти деятельности имеют нечто общее — например, что они конституируют «деятельные системы» в смысле теории развивающего обучения? Разве общая природа, общая конституция различных деятельностей не должна быть установлена прежде, чем мы сможем понять их взаимосвязь? Более того, не общая ли конституция этих деятельностей является фактически реальным базисом их взаимодействия и взаимосвязи?

В ответ на подобного рода аргументы Ильенков вполне строго доказывает, что «анализ категории взаимодействия сразу же обнаруживает, что простая одинаковость, простое тождество двух единичных вещей вовсе не является выражением принципа их взаимной связи». Поясняя: «Наличие “одинаковости”, конечно, всегда предполагается в качестве предпосылки, в качестве условия, при котором устанавливается связь взаимодействия. Но не через одинаковость осуществляется самое существо взаимодействия. Две шестерни сцепляются друг с другом как раз потому, что зуб одной шестерни встречает против себя не такой же зуб, а соответствующий вырез». Стало быть, «взаимодействие вообще оказывается крепким, если в “другом” предмет находит дополнение самого себя, то, чего ему как таковому, не хватает»³³.

С этой точки зрения, следовательно, взяв какую-либо «конкретную трудовую деятельность» в качестве примера общей, абстрактной категории «коллективной системы деятельности», невозможно теоретически уразуметь конкретные взаимосвязи деятельностей внутри системы в целом. И как раз потому, что признаки, принадлежащие всем без исключения «конкретным трудовым деятельности», на деле не образуют реальный базис их взаимодействия или их возникновения и развития.

Но в таком случае как мы найдем и исследуем связи между различными вещами или процессами в рамках данного целого? Ильенков объясняет, что диалектический подход к анализу взаимосвязей между двумя объектами или процессами (или «системами деятельности») *А* и *В*

³² Там же. С. 73.

³³ Там же. С. 58–59.

«направляется на рассмотрение той конкретной системы условий», внутри которой *A* и *B* *возникают* как явления, которые «одновременно и взаимно исключают друг друга, и взаимно предполагают друг друга». То есть диалектический анализ «оборачивается исследованием того процесса, который создает два элемента взаимодействия»³⁴. В анализе «конкретных трудовых деятельностей» таким методом не встает вопрос, как каждая отдельная «система деятельности» связана с другими подобными системами, или как изменения в одной системе влияют на другую.

Вместо этого следует первым делом искать объяснение тому, как и почему такие «системы» возникают в качестве разных (т.е. дифференцированных) сфер. Как и почему вообще случилось, что существуют отдельные и специализированные деятельности, именуемые «здравоохранением» или «образованием для взрослых»? Почему и как физическое и духовное благополучие индивидов отделилось от всех иных измерений их жизни, вышло из-под их контроля и сделалось специальным и особо охраняемым достоянием отдельных групп людей? Как мое благосостояние — неотчуждаемое измерение моей личности, моей *субъективности* — все же отчуждается от меня, становясь *объектом* «деятельности» другой личности? Эти вопросы самые трудные, но и самые глубокие и существенные для анализа человеческой деятельности «методом восхождения от абстрактного к конкретному». Однако могут ли они быть поставлены, не говоря уже о решении, в АТ/ДWR?

Последняя порция критики в адрес методологии АТ/ДWR коснется источника «абстрактно-общих понятий» деятельностных систем. Согласно Энгстрёму, «минимум элементов этой системы включают объект, субъект, опосредующие артефакты (знаки и орудия), правила, общность и разделение труда» (1999: 9).

В этом описании системы слышится отзвук характеристики процесса труда в «Капитале». Согласно Марксу, «всеобщие моменты процесса труда независимы от какого-либо определенного общественного развития»³⁵. Эти «всеобщие моменты» Маркс в другом месте именует «простыми моментами процесса труда», перечисляя следующие: «целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда»³⁶.

Энгстрём несколько изменил этот перечень, включив в него несколько добавочных элементов, но с сохранением «модели базовой структуры системы человеческой деятельности»³⁷. Он подразумевает,

³⁴ Там же. С. 64. Курсив мой. — П.Дж.

³⁵ Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства [Черновой вариант «Капитала», глава 6] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 1974. Т. 49. С. 55.

³⁶ Капитал. С. 189.

³⁷ Engeström Y. Learning, Working and Imagining, p. 79.

что эта «базовая структура», как и «всеобщие моменты» Маркса, является «независимой от какой бы то ни было общественной формы» и может применяться к любой «конкретной трудовой деятельности» (преимущественно в обществе). Эта схожесть терминологии и явное совпадение подходов Маркса и Энгельса скрывает, однако, сущностную разницу в их теоретической ориентации и методологии.

Характеристика процесса труда у Маркса не претендует быть моделью или схемой анализа «конкретных трудовых деятельностей» в капиталистическом обществе. Маркс не собирался напрямую подгонять конкретные формы труда, которые мы находим в капитализме, под всеобщие моменты процесса труда. Он не собирался делать этого по той простой причине, что «одинаково общее всем общественным формам» не может служить средством идентификации и анализа специфических процессов, производящих налицо данные особенности «конкретных трудовых деятельностей» в конкретных общественных формациях.

«Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взором капиталиста»³⁸.

Отношение между процессом труда и, например, капиталистическим процессом производства, каким оно видится Марксу, вовсе не таково, каким представляется в AT/DWR отношение между «единицами анализа», т.е. между «понятием объектно-ориентированной, коллективной и культурно-опосредованной человеческой деятельности, или системы деятельности», и всякой отдельной «конкретной трудовой деятельностью». Когда Маркс говорит, что процесс труда «общим всем общественным формам», он не имеет в виду, что капиталистическое производство есть частный пример общей категории «процесс труда»; он не говорит, что процесс труда есть общий тип или, тем более, общее «понятие» капиталистического производства как признака или частного случая этого общего типа. Если процесс труда — общее, а капиталистическое производство — частное, нет смысла говорить о «присвоении процесса труда капиталом»³⁹.

Как поясняет Ильенков, термин *общее* у Маркса выступает в значении характерном для диалектической логики: «связи, которая вовсе не совпадает по своему содержанию с тем “одинаковым”, что имеют между собой различные соотносящиеся предметы, люди и т.д.»⁴⁰.

Маркс не говорит, что рабство, феодализм и капитализм суть частные случаи общего типа, а именно, процесса труда; последний не идентичен свойствам, которые общи всем этим различным общественным формациям. Он говорит, что процесс труда является *общим* всем форма-

³⁸ Капитал. С. 195.

³⁹ Результаты непосредственного процесса производства. С. 54.

⁴⁰ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 63.

циям в том смысле, что *он проходит через них*; это та связь, которая объединяет их в их историческом развитии и в их специфических отличиях. Это — «вечное естественное условие человеческой жизни»⁴¹, которое «присваивается», трансформируется и порабощается в различные эпохи того, что Маркс считал предысторией человечества. Но это также и та сила, которая никогда не истощается и в конце концов кладет конец исторически ограниченному и, следовательно, преходящим узам, опутывающим ее со всех сторон⁴².

Согласно взглядам Маркса, процесс труда *в процессе капиталистического производства является лишь аспектом последнего*: «Как сам товар есть единство потребительной стоимости и стоимости, так и процесс производства товара должен быть единством процесса труда и процесса соиздания стоимости»⁴³.

Не нужно смешивать эти процессы, ибо, хотя они и образуют единство, «всякому капиталистическому производству, поскольку оно есть не только процесс труда, но в то же время и процесс возрастания капитала, присуще то обстоятельство, что не рабочий применяет условно труда, а наоборот, условие труда применяет рабочего»⁴⁴.

Следовательно, было бы ошибочным описывать «конкретную трудовую деятельность» в капиталистическом процессе производства в терминах «простых моментов процесса труда». И теоретик, подводящий свойства таких «конкретных трудовых деятельностей» под категории, принадлежащие процессу труда как таковому, был бы виновен в «смешении присвоения процесса труда капиталом с процессом труда как таковым», сколь бы много внимания он ни уделял противоречиям и дилеммам внутри каждой системы деятельности и роли фундаментальных экономических противоречий в обществе. Ибо источник антагонистических и деструктивных противоречий и проблем в обществе следует искать не во внутренней напряженности и конфликтах процесса труда, но в капиталистическом процессе производства, в «присвоении процесса труда капиталом».

Методологическая проблема «единицы анализа» в AT/DWR не решается добавлением новых «простых моментов процесса труда». Один из таких добавочных моментов — «разделение труда», под которым имеется в виду «и горизонтальное деление задач между членами сообщества, и ... вертикальное деление полномочий и статуса»⁴⁵.

⁴¹ Капитал. С. 195.

⁴² «Труд вообще есть безусловно необходимое условие возникновения и развития ренты, капитала, заработной платы и всех других специфически капиталистических категорий. Но он же является и условием их небытия, их отрицания, уничтожения. Труд вообще столь же безразличен к бытию капитала, как и к его небытию» (Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 218).

⁴³ Капитал. С. 197.

⁴⁴ Там же. С. 434.

⁴⁵ Engeström Y. Learning, Working and Imagining, p. 79.

Первое относится, в терминах Маркса, к аспектам «согласованности между индивидуальными работами», которая должна быть обеспечена при «всяком непосредственно общественном или совместном труде, осуществляемом в сравнительно крупном масштабе»⁴⁶. В то время как «вертикальное деление полномочий и статуса» относится, по меньшей мере отчасти, к процессу, имеющему дело с осуществляемым капиталистом контролем над процессом труда и являющемуся в то же время функцией эксплуатации общественного процесса труда. Первый тип деления вырастает из самой природы процесса труда, второй — из его «капитализации» (*valorization*); и в подведении их обоих под понятие «разделения труда» кроется еще одна опасность «смешения присвоения процесса труда капиталом с процессом труда как таковым».

В итоге оказывается, что, если наша интерпретация Ильенкова и Маркса верна, главная теоретическая и методологическая проблема «единицы анализа» в АТ/DWR кроется в неумении аналитически отличить трудовой процесс от процесса «капитализации». Это видно из рассмотрения «конкретных трудовых деятельностей» как воплощений или примеров человеческого труда, в то время как в глазах Маркса такие деятельности выглядят теми формами, посредством которых процесс труда присваивается капиталом. Из этой ошибки вытекают две опасности.

Первая состоит в том, что процесс «капитализации» и эксплуатации живого труда, со всеми присущими ему «деятельностями», неправомерно облагораживается — выдается за трудовой процесс, за «самый труд, рассматриваемый в момент его творческой деятельности»⁴⁷.

Усматривая «основную структуру человеческой деятельности» — определяемую в терминах «всеобщих свойств процесса труда» — в какой угодно «конкретной трудовой деятельности» в капиталистическом обществе, мы ставим все деятельности, какова бы ни была их общественная ценность или важность, на одну доску, не делая различий между, скажем, лечением болезни и управлением корпоративным портфелем акций.

Вторая опасность является зеркальным отражением первой. Принятие любой наблюдаемой деятельности в качестве иллюстрации «всеобщих свойств процесса труда» («основной структуры человеческой деятельности», в терминологии АТ/DWR) чревато вульгаризацией Марксова понимания процесса труда и, тем самым, унижением труда как такового. Ибо если мы ставим знак равенства между процессом труда и всякой «конкретной трудовой деятельностью», то в результате эта последняя в ее капиталистической форме начинает выглядеть процессом, который «одинаково общ всем общественным формам». При этом про-

⁴⁶ Капитал. С. 342.

⁴⁷ Маркс К. Результаты непосредственного процесса производства. С. 54–55.

цесс труда немедленно утрачивает и свой постыдный, и свой революционный характер.

Уже Маркс предвидел эту теоретическую проблему и объяснил ее общественно-исторический исток: «Труд кажется совершенно простой категорией. Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — является тоже весьма древним. Тем не менее “труд”, экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию»⁴⁸.

Маркс, по-видимому, предполагает, что «труд» как категория буржуазной экономики может выглядеть так, словно он действительно тождествен процессу труда, тому самому «древнейшему отношению, имеющему силу для всех форм общества». Есть нечто истинное в сравнении этих двух категорий, говорит далее Маркс⁴⁹. Всеобщая абстракция «труд», имея то же самое отношение ко всякой «конкретной трудовой деятельности», что и абстракция «животное» имеет к коту, собаке, тигру и т.д., «становится практически истинной» в буржуазном обществе. Шахтер — это наемный работник, как и автостроитель, школьный учитель, врач, профессор, солдат, священник, премьер-министр и т.д. В то же время, предупреждает Маркс, это уравнивание труда в «современной экономике» с трудом как таковым следует понимать «с крупинкой соли», так как имеется «существенное различие» между ними. Абстрактная всеобщность категории труда в буржуазном обществе выявляет универсальность процесса труда лишь «в захиревшем, в карикатурном виде». Современная категория труда обнаруживает «безразличие к определенному виду труда» *из-за той формы, в которой производится богатство в буржуазном обществе*. Богатство здесь предстает как стоимость, субстанция которой — «абстрактный труд», измеряемый величиной общественно необходимого рабочего времени. Современная категория труда, следовательно, маскирует, в форме абстрактной всеобщности, узкий, исторически ограниченный и преходящий базис, на котором она возникает, а именно — капиталистические отношения производства, и в то же время скрывает истинную природу процесса труда.

С этой точки зрения, есть основания утверждать, что у «единицы анализа» в АТ/DWR в действительности больше общего с категорией «труда» в буржуазной экономике, чем с понятием процесса труда у Маркса. Более того, методология АТ/DWR обнаруживает поразительное сходство с подходом Фейербаха к определению человеческой сущности, в котором Ильенков усматривает «не только ограниченность буржуазного теоретика, идеологическую иллюзию, скрывающую подлинное положение дел, но и логическую слабость его позиции»⁵⁰.

⁴⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. С. 40.

⁴⁹ См.: Там же. С. 40–42.

⁵⁰ Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного. С. 41.

Ильенков поясняет: «Чтобы составить конкретное представление о сущности человека, о человеке как таковом, Фейербах абстрагировался от всех реальных различий, развитых историей, он искал то общее, что одинаково свойственно портному и живописцу, слесарю и конторщику, хлеборобу и священнослужителю, наемному рабочему и предпринимателю. В ряду свойств одинаково общих для индивида любого класса и любой профессии, он и старался обнаружить сущность человека, подлинную, конкретную природу человеческого существа. Он абстрагировался как раз от всего того, что на деле и составляло *реальную сущность* человечества, развивающуюся через противоположности, как совокупность взаимообуславливающих способов человеческой жизнедеятельности»⁵¹.

Есть некая ирония в том парадоксальном итоге, что AT/DWR, рекомендуя и продвигая Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному, как его изложил Ильенков, разрабатывает «единицу анализа», в которой процесс труда смешивается с процессом «капитализации», с тем самым, который Маркс на протяжении всего «Капитала» систематически и постоянно требовал различать.

⁵¹ Там же. С. 41–42.